О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию Прилуцкого Виталия Викторовича «Протестные движения в США в 1820-1850-е гг.» по специальности 07.00.03. – всеобщая история (новая и новейшая история) на соискание ученой степени доктора исторических наук

Диссертация Виталия Викторовича Прилуцкого посвящена изучению особой роли протестных движений в формировании американской либерально-демократической модели партийно-политического устройства в 1820-1850-е гг.

Актуальность заявленной темы связана с особой ролью третьих партий в политической жизни США и с сохранением референтного значения американской культуры реформизма в целом, важнейшей составляющей которой стали периодически возникающие протестные движения, инициированные снизу и получившие название «grassroots movement». Как в прошлом, так и в настоящем они призваны привлекать внимание правительства к возникающим в стране проблемам, чтобы вернуть общество в состояние баланса, на время им утерянное. Рассмотренные в диссертации протестные движения первой половины XIX в. стали прототипом для последующих реформаторских и популистских движений в США и за их пределами, что актуализирует вопрос о возвращении к истокам американской протестной культуры.

Соискатель предпринимает попытку реализовать комплексный подход к анализу избранной проблематики и использует наработки новой научной истории, выстраивая проблемное поле диссертации на стыке истории, политологии и психоанализа, что придает ей междисциплинарный характер.

Источниковая база работы достаточно разнообразна и включает в себя опубликованные источники официального и личного происхождения, статистику, документы политических партий и движений, периодические издания, памфлетную литературу, публицистику и труды современников, художественную литературу, что вкупе с использованием научных публикаций по заявленной теме позволяет В.В. Прилуцкому представить общую картину протестной культуры в США в 1820-1850-е гг., рассмотреть ее социальные характеристики, механизмы формирования и общий ход развития движений протеста, предложить их типологию и определить степень влияние конспиративизма на психологию их участников.

Диссертация структурирована в соответствии с проблемным принципом и отвечает исследовательским задачам.

Первая глава вводит в политический контекст эпохи, без чего невозможно рассмотреть протестные движения в США во взаимосвязи с динамикой экономического развития, социальными конфликтами внутри общества, нарастанием регионального противостояния Север-Юг по вопросу о рабстве, созданием и эволюцией двухпартийной системы виги-демократы. В центре внимания автора находится идеология протестного электората, который не попал в орбиту влияния двух основных партий и сформировал социальную базу движений протеста правого и левого толка. Этот электорат, с одной стороны, сохранил готовность к сотрудничеству с ведущими партиями (особенно с джексонианцами) в условиях складывающейся партийно-политической системы, а, с другой стороны, бросал им вызов в качестве третьей силы в обществе.

В данной главе содержатся методологические выкладки по психоистории и конспирологии (С. 61-66), которые следовало перенести в методологический раздел введения, что позволило бы соискателю избежать «мозаичности» в структуре параграфа первого. Она также усиливается за счет неоправданного в данном случае стремления соискателя выйти далеко за рамки избранного хронологического периода. Остается непонятно, с какой целью соискатель занимается типологией всех протестных движений XIX – начала XX веков. При этом вызывает сомнение отнесение Ку-клукс-клана к движению нейтивистов применительно к XIX в. (С. 74). Предложенная соискателем типология скорее отра-

жает реалии более позднего периода и «второго издания» Ку-клукс-клана, выстраивавшего свою идеологию с опорой на комплекс идей расизма, нейтивизма, антисемитизма после окончания Первой мировой войны.

В целом первая глава избыточна по своему содержанию. Стоило ли столь подробно рассматривать эволюцию партийно-политической системы США в первой половине XIX в., учитывая степень изученности данного вопроса в отечественной и американской историографии.

Наибольший интерес представляют главы, нацеленные на анализ конкретных протестных движений.

Вторая глава посвящена изучению деятельности антимасонов в Соединенных Штатах. Автор рассматривает развитие данного движения, начиная с раннего антимасонства и заканчивая подъемом и упадком Антимасонской партии, оставившей глубокий след в политической культуре США и ставшей первой третьей партией в их истории. Начинается глава с введения в историю франкмасонства, хотя и излишне детализированного, но уместного. Достоинством данного раздела диссертации стал представленный в ней психологический и социокультурный анализ идеологии антимасонов.

В **третьей главе** В.В. Прилуцкий предлагает развернутую характеристику американского нейтивизма (нативизма) как идейного течения и политической партии с акцентом на антикатолические и антииммигрантские настроения, тиражированные в американском обществе. Именно в этой главе соискатель впервые и, увы, единственный раз уделяет определенное внимание вопросу об участии представителей протестных движений в формировании дискурса идентичности в США в период активного нациестроительства.

К достоинствам главы следует отнести характеристику коммуникативных стратегий, использованных нейтивистами на страницах прессы, в публицистике и листовках, включая апелляцию к теории заговора. Соискатель предлагает периодизацию нейтивистского движения, проводит анализ политической программы нейтивистов во взаимосвязи с внутри- и внешнеполитической «повесткой дня» Соединенных Штатов и рассматривает деятельность Американской партии «ничего-не-знающих», выявляя причины ее успехов и неудач.

В **четвертой главе** рассказывается о политическом движении фрисойлеров в контексте антирабовладельческой борьбы в США, истории формирования двухпартийной системы демократы-республиканцы и развития американского популизма. В центре внимания В.В. Прилуцкого находится вопрос о превращении движения в политическую партию, а также ключевые для фрисойлеров выборы 1848 г., на которых их лидер Ван Бюрен получил более 10% голосов.

Для реконструкции дискурса сторонников Партии свободной земли соискатель обращается к анализу не только их выступлений и публикаций на страницах прессы, но и листовок, а также текстов песен, что можно отнести к положительным моментам диссертационного исследования. Отдельного внимания заслуживает характеристика движения фрисойлерства как протестного в сравнении с нейтивистами и антимасонами, включая интересные наблюдения о соотношении рационального и заговорщического в идеологии фрисойлеров (С. 406-407).

Пятая глава посвящена характеристике «леворадикальной» (на примере деятельности «рабочих партий» и «локофоко»), и «праворадикальной» (на примере деятельности южных секционалистов) моделям политического протеста в США в указанный период, а также трезвенничества как протестного движения, имевшего социокультурный и морально-этический характер.

Данные сюжеты позволяют акцентировать внимание на двух принципиально значимых для заявленной проблематики аспектах. Во-первых, речь идет о метаморфозах демократии, об использовании демократических процедур одновременно и для реализации

социальных требований эгалитаристского характера, и для «полезного» ограничения прав и свобод американцев, а также о приемлемости демократических лозунгов защиты прав штатов, как для ограничения всевластия федерального правительства, так и для защиты института рабства. Во-вторых, соискатель подчеркивает закономерное для американского радикализма сочетание идеализма и прагматизма, характерное для культуры радикального протеста американцев пересечение утопической и практической составляющей. Так идейный синкретизм и радикальный утопизм «рабочих партий» не помешал их прямому влиянию на введение системы бесплатного образования и на ликвидацию федеральных долговых тюрем. В свою очередь, утопические антикапиталистические идеи «локофоко» повлияли на антибанковский курс администрации Ван-Бюрена, на умы многих партийных руководителей федерального уровня и значительной части северных демократов, пусть демократы-центристы и не поддержали план тотальной борьбы с финансовыми учреждениями США.

Рассуждая о трезвенническом движении, наименее политизированном из всех форм протеста, В.В. Прилуцкий, опираясь на анализ трактатов, проповедей, периодических изданий и документов конвентов, показывает пересечение с идеологии антимасонов и нейтивистов. Благодаря такому подходу ему удается высветить типично американское в этих движениях протеста, которые были порождены определенной социокультурной средой и обусловлены политической «повесткой дня» национального развития Соединенных Штатов.

Движение южных секционалистов, в свою очередь, выводит нас на проблему регионального национализма, восприятия южанами Севера как «Другого» внутри США, причем с апелляцией к национальному демократическому наследию Американской революции. И это также является продолжением разговора о метаморфозах демократии.

В целом Виталию Викторовичу Прилуцкому удалось решить исследовательские задачи и представить развернутый анализ протестной культуры США в заявленный период. Однако диссертация не лишена серьезных недостатков.

Кроме **высказанных выше замечаний по первой главе**, хотелось бы обратить внимание на следующие общие моменты, имеющие отношение к содержанию диссертации, ее источниковой базе, терминологическому аппарату.

Во-первых, в содержательном плане диссертация только выиграла бы от введения отдельного раздела, посвященного религиозной составляющей культуры протеста, характеристике второго «ривайвела» как целостного явления, тем более что Второе Великое пробуждение хронологически полностью вписывается в избранный период, а идейно и географически пересекается с антимасонским и нейтивистским движениями. Чарльз Финни, бывший ключевой фигурой второго «ривайвела», возглавлял религиозных антимасонов, о чем упоминает и сам соискатель (С.178). Борьба за трезвый образ жизни вообще считается важнейшей составляющей Второго Великого пробуждения, что стало ярким свидетельством превращение церкви в США во влиятельный социальный институт, поставивший под контроль протестные движения различного толка. В свою очередь, под влиянием нейтивизма в ходе евангелизации США происходило пересечение идей национализма и протестантизма, что приводило к формированию представлений об истинном американце, которым становился ВОСП (WASP) – белый англосакс протестант. Все это говорит в пользу отдельного раздела о роли протестанстской церкви в движениях протеста первой половины XIX в. вместо лаконичных ссылок на религиозный контекст в ряде случаев. Кстати, это позволило бы В.В. Прилуцкому скорректировать предложенную им типологию, а также внести свой вклад в давний историографический спор о природе и роли «ривайвелов» в США с учетом цивилизационных характеристик американского общества и особенностей присущей ему культуры реформизма.

Второй важной проблемой, не нашедшей должного отражения в тексте диссертационного исследования, а лишь намеченной в третьей главе, является вопрос о роли протестных движений первой половины XIX в. в конструировании национальной идентичности американцев, в разграничении «Своего» и «Чужого», в формировании понятия истинного американизма и ранжирования внутренних и внешних врагов. В.В. Прилуцкий закономерно выходит на эту проблему при характеристике нейтивистского движения, однако игнорирует ее при рассмотрении южного секционализма в тот период, когда культурно-региональная идентичность южан начинает эволюционировать в сторону их гражданской идентичности, а Юг пытается выстроить собственную Я-концепцию с апелляцией к демократическим традициям и исторической памяти об Американской революции XVIII в. В этой связи соискателю следовало определить свою принадлежность к той или иной концепции национализма и обратиться к изучению новейших американских исследований по проблематике американского национализма и южной идентичности (например: *Cobb J.* Away Down South: A History of Southern Identity (1999); *Fleche A.* The Revolution of 1861: The American Civil War in the Age of Nationalist Conflict (2012); *Quigley P.* Shifting Grounds: Nationalism and the American South, 1848-1865 (2011); *Hutchison C.* Apples and Ashes: Literature, Nationalism, and the Confederate States of America (2012)).

Во-вторых, вызывает вопрос классификация источников в источниковедческом обзоре и в списке. Начнем с того, что не принято включать научные труды и художественную литературу в одну группу источников (С. 18-19). Можно объединить публицистику и труды современников, но художественная литература для историка – это источник особой видовой характеристики, который позволяет обратить внимание на эмоциональную сторону описываемых событий и на трудноуловимые, но от этого не менее значимые, факторы исторического процесса. Далее, традиционно выделяются группы источников официального и личного происхождения (а не частного характера), которые, в свою очередь, распадаются на подгруппы. Наконец, издания подобные *Biographical Directory of the United States Congress 1774-2005* относятся к справочно-информационной литературе, а вовсе не к опубликованным документам (С. 524).

Кроме того, претензии В.В. Прилуцкого на введение в научный оборот новых архивных материалов (в которых содержатся свидетельства очевидцев изучаемой политической эпохи) со ссылкой на фонд Романа Романовича Розена в РГИА (С. 17), выглядят необоснованными. Розен был дипломатическим представителем Российской империи в США в более поздний период (поверенный в делах России в США – 1886-1889 гг., посол России в США – 1905-1911 гг.). Да и другие архивные материалы из РГИА относятся к более позднему периоду, а их введение в текст диссертации не имеет смысла. Например, для того чтобы продемонстрировать, как расширялся список нежелательных иммигрантов на рубеже XIX-XX вв., вовсе не обязательно ссылаться на материалы РГИА (С. 229). Достаточно обратиться к соответствующему законодательству США. Эти материалы не только опубликованы, но и давно выложены в интернет.

А вот оцифрованные коллекции архивных материалов по американской истории, использованные автором, стоило выделить и охарактеризовать отдельно, а не выносить в общий список в раздел «публикации документов», что позволило бы частично компенсировать отсутствие архивных материалов в источниковой базе диссертации. А ведь именно это наряду с новыми исследовательскими практиками должно обуславливать новизну докторской диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук (С. 537-538).

В-третьих, В.В. Прилуцкий не всегда корректно использует терминологию. Приведем несколько примеров. Несмотря на то, что соискатель достаточно четко разводит движения аболиционизма и фрисойлерства, в отдельных случаях затушевываются различия между аболиционистским движением, с одной стороны, и более широким антирабо-

владельческим движением, к которому принадлежали фрисойлеры с их программой «Свободная земля, свободный труд, свободные люди», с другой (например, С. 373-374, 406). Далее, автор называет проекты создания земледельческих коммун в США реакционными, поскольку, по его мнению, они «противоречили потребностям стремительно формировавшейся и развивавшейся индустриальной цивилизации» (С. 427-428). Однако данный термин вряд ли уместен, когда речь идет о программе мирного преобразования общества посредством передела земельной собственности в аграрной стране, которая переживала промышленную революцию и одновременно осваивала огромный фонд западных земель. Ведь это противоречие было противоречием всей эпохи. А ее никак нельзя назвать реакционной. Наконец, выявляя этническую и религиозную базу трезвеннического движения и справедливо отмечая отсутствие четкой корреляции между принадлежностью к той или иной конфессии и этнической группе, с одной стороны, и поддержкой «сухого закона», с другой, соискатель использует термин «коренные американцы», имея в виду граждан США в противоположность иммигрантам (С. 476). Но коренными американцами называют индейцев.

Однако в целом представленная Виталием Викторовичем Прилуцким работа является оригинальным историческим исследованием, расширяющим и уточняющим наши знания о формировании и эволюции американской культуры протеста в период активного нациестроительства в США (проверка на плагиат выявила не менее 95% самостоятельных блоков).

Работа отвечает основным квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 07.00.03 – «всеобщая история», а ее автор заслуживает искомой ученой степени доктора исторических наук.

Текст автореферата содержит все необходимые разделы и отражает основные положения диссертации.

Официальный оппонент
доктор исторических наук,
профессор кафедры зарубежного регионоведения
и внешней политики ИАИ РГГУ В.И. Журавлева

15.03.2016

Подпись В.И. Журавлевой
У Д О С Т О В Е Р Я Ю
Ученый секретарь РГГУ

РГГУ, Москва, 125993, ГСП-3
Миусская пл., д. 6
Тел.: (499) 250-61-18
Факс: (499) 250-51-09.
Email: rsuh@rsuh.ru; http://www.rggu.ru